

**ОРГАНИЗАЦИОННО-АТРИБУТИВНЫЙ ФАКТОР
ВОИНСКОГО ВОСПИТАНИЯ В РУССКОЙ АРМИИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.**

DOI 10.34685/NI.2024.36.76.030

Яндиев Беслан Магоматович

адъюнкт кафедры истории
Военного университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации (Москва)

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению атрибутов и организационных форм воинской службы, таких как традиции, ритуалы, священные символы воинской службы (военная присяга, знамя и мундир полка) в русской армии первой половины XIX в. Подчеркивается, что организационно-атрибутивный фактор можно определить как элемент войскового режима, совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых атрибутов воинской службы и организационных форм их реализации в войсковой практике, которые наиболее эффективно воздействовали на сознание и поведение офицеров и нижних чинов. Делается вывод о том, что в реальной войсковой практике они представляют собой сложную систему, все элементы которой были тесно связаны между собой и взаимозависимы.*

Ключевые слова: *русская армия, атрибуты военной службы, воинское воспитание, традиции, ритуалы, офицеры, нижние чины, военная присяга, знамя полка, мундир.*

Анализ архивных источников и документов исследуемого периода показывает, что на государственном и военном уровне осознавалось, что к высшим побуждениям (побудительным мотивам) военной службы в русской армии относились: во-первых, государственный патриотизм как любовь к Отечеству и Государю, чувство долга за защиту государства российского от врагов «внешних» и «внутренних»; во-вторых, религиозность как покорность военной судьбе и отсутствие страха смерти; в-третьих, чувство чести, честолюбие и славолюбие как любовь к славе и уважение к званию; в-четвертых, чувство воинского братства и товарищества, нашедшее отражение в стремлении к взаимопомощи и взаимной выручке в сложных условиях повседневной воинской службы, а в бою – в руководстве суворовским принципом «сам прогибай, а товарища выручай».

Они нашли свое выражение в государственной идеологии «Православие, самодержавие, народность», а также в постулатах воинской нравственности, выступавшими как правила, определявшие поведение человека в обществе. При этом нравственность военного человека в большей степени определялась двумя важнейшими компонентами: воинской честью и верностью армейским традициям [1].

Под организационно-атрибутивным фактором автор подразумевает такие атрибуты и организационные формы военной службы, как традиции, ритуалы, священные символы воинской службы (военная присяга, знамя и мундир полка), офицерские собрания, суды чести и др. [2] Организационно-атрибутивный фактор можно определить как элемент войскового режима, совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых атрибутов воинской службы и организационных форм их реализации в войсковой практике, которые наиболее эффективно воздействовали на сознание и поведение офицеров и нижних чинов.

В реальной войсковой практике они представляют собой сложную систему, все элементы которой тесно связаны между собой и взаимозависимы. Например, традиции, а также некоторые другие атрибуты воинской службы часто реализуются в виде ритуалов. С другой стороны, ритуал может осуществляться вполне самостоятельно и представлять собой традицию. Некоторые атрибуты и организационные формы военной службы, призванные способствовать воинскому воспитанию военнослужащих, могут заключать в себе одновременно и традицию, и ритуал, и обряд, и церемониал, и поощрение, и присягу и т.д.

К числу известных **ритуалов**, распространенных в русской армии, можно отнести такие, как «Строевой смотр», «Развод и смена караула», «Отдание воинской чести», «Утренняя и вечерняя заря», «Исполнение молитвы», «Принятие присяги», «Парад», «Церковный парад», воинские ритуалы, проводимые при поощрении и наказании военнослужащих и частей, а также различные церемонии и обряды, связанные с отдаванием воинских почестей при погребении военнослужащих [3].

Одно из важнейших мест в этой системе в первой половине XIX в. занимали **воинские традиции**. Традиции мы воспринимаем как исторически сложившиеся (устойчивые) и передаваемые из поколения в поколение обычаи, нормы поведения, взгляды; предания о боевых подвигах и победах армии (частей); все существенное, сохраняющееся из поколения в поколение; духовную связь с прошлым; остатки духа и характера собственных предков. Традиция состоит из обычаев, взглядов, способа рассуждать и действовать, перенятого из времен славных подвигов собственных предков [4, с. 394].

Регулярная русская армия к первой половине XIX в. была сильна боевыми традициями, которые были заложены в процессе ее создания, становления и успешных боевых действий под руководством императора Петра I, развития всех отделов военного дела, русского военного искусства, легендарных побед (в т.ч. над французской и прусской армиями) на полях сражений русских «чудо-богатырей» под командованием великих полководцев и военачальников второй половины XVIII в. П.А. Румянцева, А.В. Суворова, М.И. Кутузова, флотоводцев Ф.Ф. Ушакова и Д. Сенявина и др. Русская армия к концу XVIII в. была сильнейшей армией на европейском континенте и не «одна пушка в Европе» не могла выстрелить без ее согласия. Воинский дух в армии был крепок, а сами полководцы умели использовать нравственный элемент для достижения победы на полях сражений.

В череде общеармейских традиций, несомненно, важную роль играли *полковые традиции*. Именно в полках, батальонах, ротах воспитывался боевой солдат и офицер. Подчеркивая значение полковых традиций, генерал П.Н. Краснов писал: «Это неписанный устав части, это никем не утвержденное дополнение к форменной одежде, являющееся духовным мостом к славному подвигу дедов, к былой походно-боевой жизни, к торжественному сиянию прошлого. Это то, что возвышает душу человека и в решительный смертельный час помогает ему победить страх смерти» [5, с. 135].

Именно в полковом звене, где собственно и пребывал личный состав практически всю свою службу, многочисленные традиции, запечатленные в памяти старожил, в полковой документации, в полковых историях, в разных других формах передавались из поколения в поколение, оказывая наиболее сильное влияние на сознание и поведение военнослужащих. Как писал один из офицеров, «разнообразие боевых традиций поселяет в войсках благородное соревнование. Оно даёт известный оттенок и индивидуальность духу части» [6].

Полковая семья (в отличие от «воинского коллектива» в современной воинской части) объединяла своих членов не только единой целью обеспечения высокого уровня боеготовности, но и общностью быта, моральной ответственностью за сохранение доброго имени полка, приоритетом корпоративных интересов над личными. Основной принцип военного служения во всей армии – «За Веру, Царя и Отечество» на полковом уровне трансформировался в принципы – «За честь полка, за Отечество», «Честь полка – моя честь, слава полка – моя слава» и т.д. Внешняя форма таких семейных полковых отношений проявлялась (и сегодня зачастую проявляется), казалось бы, в неуставных обращениях и кличках – «отец», «батя», «братец», «сынок», «дядя» и т.п.

Главную роль в полковом семействе играл командир полка – «слуга царю, отец солдату». От личного примера и поведенческих предпочтений полкового командира во многом зависела морально-нравственная атмосфера в воинской части. Как показало исследование, петровские заветы командирам в отношении подчиненных, такие как «отчески содержать», «офицеры суть солдатам яко отцы детям», отмеченные в Артикуле воинском, сохранили свою актуальность и первой половине XIX в., особенно в период наполеоновских войн.

Полковые истории оставили нам и свидетельства о положительном отношении подчиненных к своим полковым командирам, обладавшим умением сочетать жесткую требовательность к подчиненным офицерам и нижним чинам с уважением к ним. К примеру, в истории лейб-гвардии Гродненского гусарского полка было записано, что его первый командир полковник К.Г. Штрэндтман, будучи

чрезвычайно требовательным и строгим на службе, «вместе с этими качествами соединял необыкновенно сердечное отношение к своим подчиненным, горячая любовь к которым не уменьшилась и по оставлении им Гродненского полка» [7, с. 28]. Аналогичные характеристики полковых историков заслужили многие командиры других полков и воинских формирований.

Важной формой организации отдыха, досуга и товарищеского общения офицерского состава полка являлось офицерское собрание. История офицерских собраний насчитывает несколько веков. Пробразом офицерских собраний русской армии некоторые авторы считают проводимые с 1718 г. петербургские ассамблеи – дворянские собрания, которые в конце XVIII в. преобразовались в сборы офицеров для проведения вечернего времени. Во второй половине XVIII в. начали появляться общества, объединявшие офицеров отдельной воинской части (гарнизона) в виде клубов. Одним из первых таких клубов в 1779 г. стал клуб штаб- и обер-офицеров Новгородского пехотного полка в Тихвине [8].

Регламентировалась деятельность собраний доморожденными уставами и положениями. Председателями собраний являлись командиры воинских частей. Офицерское собрание содействовало поддержанию товарищеских отношений между офицерами, развитию общего и военного кругозора, патриотическому воспитанию, обмену новостями, развлечению в свободное время. К середине XIX в. военные собрания функционировали на основании своих уставов либо правил уже во многих частях. Но только в 1884 г. было утверждено «Положение об офицерских собраниях в отдельных частях войск» [9, с. 612-615].

В процессе жизнедеятельности полков, ставших для большинства его членов «малой родиной», важным стимулом, способствующим качественному выполнению задач, стала корпоративная полковая солидарность, *стремление членов полкового коллектива к сохранению полковых традиций*, полковой идентичности, того особенного, что отличает свой полк от других. Возникновение явления полкового патриотизма было осмыслено писателем 1860-х гг. генерал-майором Р.А. Фадеевым. «Для качества полка чрезвычайно важно, чтоб он составлял нечто вроде маленькой национальности, – писал он. – Надобно, чтобы все чины считали свой полк первым в свете, свято хранили его предания, готовы были идти на ножи со всяким чужим за его славу <...> [, что возможно] лишь тогда, когда *полк имеет личность...*, надобно непременно, чтобы полк имел *свой нравственный оттенок, свою оригинальность, свои обычаи*» [10, с. 113].

Так, собственно, и было. Каждый полк, как человек, имел свою личность, свой собственный характер. Это можно увидеть, к примеру, анализируя особенности военной службы в Отдельном Кавказском корпусе (ОКК), специфика условий боевой деятельности которого накладывала отпечаток на характер воинской службы в целом и воинского воспитания в частности.

В ОКК привились боевые традиции, которые существенно отличались от традиций в других частях русской армии, где в рамках насаждаемой в этот период сверху военной политики предпочтение отдавалось муштре и регламентации военной службы. Носителем этих традиций являлся герой Отечественной войны 1812 г. генерал от инфантерии А.П. Ермолов, военачальник волевой и решительный, пользовавшийся огромным авторитетом среди личного состава, уважительно относившийся к нижним чинам.

Моральная атмосфера в ОКК отличалась от обстановки в других воинских формированиях России. Для нее были характерны такие черты, как необычайно развитое чувство товарищества, простота в общении между начальниками и подчиненными, теплые отношения между офицерами и солдатами, первостепенное внимание реальному уровню боеспособности и морального духа войск, а не показным муштре, стройности рядов и следовании всем правилам содержания формы одежды.

Посетивший ОКК будущий военный министр и организатор военных реформ второй половины XIX в. Д.А. Милютин позднее записал следующие слова: «Нас, гвардейских офицеров, с первого взгляда поражали в кавказских войсках видимая распущенность, неряшество в одежде, даже казавшееся отсутствие дисциплины и точного отправления службы. Но вместе с тем не могли мы не подметить во взгляде каждого солдата какой-то отваги и самоуверенности, чего-то особого, отличавшего эти войска от всех других. Видимо, это были войска боевые, а не парадные» [11, с. 202].

Важнейшим средством сохранения и передачи по наследству от одного поколения членов полковой семьи другому полковой памяти, особой индивидуальности – «личности» полка и его славных традиций являлись *полковые истории*. Иными словами, истории воинских частей уже тогда являлись важным подспорьем при организации воинского воспитания. Благодаря сохранению исторической полковой памяти молодые офицеры и нижние чины, попавшие недавно в полковую среду, могли проникнуться боевыми традициями полка, ознакомиться с подвигами предшественников.

На воспитательное значение истории воинских частей было обращено внимание графом С.Р. Воронцовым – автором инструкции ротным командирам. Документ предписывал: «... внушать солдатам любовь и привязанность к полку, в котором он служит, а как честь, заслуженную полком, каждый старается переносить и на себя, что вполне справедливо в некоторых случаях, то необходимо поддерживать и умножать подобные мнения, объясняя всякому полковую историю...» [12, с. 34]

В то время главным источником передачи полковых традиций, отражавших лучшие боевые достижения части, передавались из поколения в поколение автоматически, на основе устных рассказов ветеранов, «дядек». Солдат за годы своей длительной службы без целенаправленных усилий со стороны командования впитывал полковые предания, представления о воинской чести, о неписанных законах священного воинского братства. Проникновение в сознание военнослужащих боевых традиций происходило также через систему ритуалов, полковых праздников, воинской атрибутики и т.д.

Первой полковой историей, хотя и не большого по объему содержания, считается статья 1811 г. А.А. Писарева о лейб-гвардейском Семеновском полку в «Военном журнале» № 13, впоследствии переизданная брошюрой в 1911 г. В 1816 г. под руководством графа А.А. Аракчеева полковая история впервые была издана отдельной книгой. Она была посвящена истории гренадерского полка, в котором фельдмаршал был шефом, и называлась «Краткое начертание истории гренадерского графа Аракчеева полка с 1808 по 1815 гг.». В качестве приложений к ней были представлены биографии офицеров, погибших в военных кампаниях 1812-14 гг., список нижних чинов, выдержавших трудные более чем двухгодичные труднейшие испытания войны с Наполеоном без ран и болезней и пришедших к месту постоянной дислокации в полном здравии, список штаб и обер-офицеров, выступивших в поход в 1812 г., их первоначальные и последующие чины, перемещения по службе [13].

В дальнейшем стремление командования полков увековечить подвиги офицеров и нижних чинов, результаты участия в наполеоновских и последующих войнах переросло в более активное издание полковых историй. До середины XIX в. практически все гвардейские полки и некоторые армейские полки имели свои рукописные полковые истории.

Важной войсковой традицией, призванной способствовать укреплению боевого духа войск, а равно сплочению офицеров и солдат в единую полковую семью, воспитанию в них чувства гордости, сопричастности к приумножению славы русской армии и полковых военных достижений, являлось проведение *военных, в том числе полковых праздников*. В русской армии, как государственной структуре, отмечали не только чисто военные праздники, но и государственные. Специфика празднования в армии заключалась в том, что все праздники, а особенно военные, в этот период были тесно связаны с православной традицией.

В систему праздников, которые в том или ином виде отмечались в русской армии первой половины XIX в., входили следующие.

Во-первых, праздники, признанные обязательными государственными торжественными днями, в том числе «Царские дни», которые со времен Петра I были внесены в список официальных праздников.

Во-вторых, религиозные праздники. В русской армии праздновались Великие двенадцатые (отражающие события, связанные с земной жизнью Господа Иисуса Христа и прославлением Божьей Матери) и некоторые недвенадцатые праздники, а также праздники в честь некоторых главных святых икон и святых личностей, многие из которых традиционно считались покровителями воинства. 29 августа поминали всех русских воинов, на поле брани убиенных. Праздниками считались дни возведенных в сан святых Георгия Победоносца (23 апреля и 26 ноября), Сергия Радонежского (5 июля

и 25 сентября), Владимира Великого, крестителя Руси (15 июля), Александра Невского (30 августа), Архистратига Михаила (19 сентября и 8 ноября), Андрея Первозванного (30 ноября), Ильи Муромца (19 декабря) и т.д.

В-третьих, викториальные (победные) праздники, установленные РПЦ по инициативе Петра I. В исследуемый период в войсках отмечались следующие памятные даты: Полтавская победа (в 1709), победа при мысе Гангут (1714), взятие Нарвы (1704), заключение Ништадтского мира (1721), победа при Лесной (1708), взятие Нотебурга (1702), победа над турецким флотом в Чесменском сражении (1770), заключение Кучук-Кайнарджийского мира с Турцией (1774), победа при Гросс-Егерсдорфе над пруссаками в Семилетней войне (1757).

В-четвертых, орденские праздники (кавалерские дни, орденские дни) отмечались в честь орденов Российской империи. К этому было утверждено 6 орденов. Наиболее торжественным у военных был праздник в честь Ордена Святого Георгия (26 ноября). В отличие от других праздников кавалерские дни имели частное значение и праздновались только в кругу лиц, имеющих отношение к ордену.

В-пятых, полковые, батальонные, ротные праздники. Как правило, подобные торжества совмещались с празднованием церковью главнейших религиозных праздников или дней святого, который считался небесным покровителем воинской части. Кроме того, полковые праздничные дни часто были привязаны к боевым традициям полка – полковым юбилеям, эпизодам войн и сражений, чествованию знаменитых полководцев, начальников и шефов.

Исследуя содержание проводимых с участием русской армии праздников разного уровня, можно заметить, что проведение праздника включало в себя реализацию трех элементов – религиозного, собственно военного и развлекательного, к проведению которых всегда подходили творчески, с учетом традиций конкретных воинских частей.

Религиозные обряды сопровождали практически все военные праздники. В праздничные дни офицеры и солдаты присутствовали на торжественных литургиях в военных церквях или городских храмах. Также и в воинских частях в эти дни проводились молебны. На молебнах, как правило, военные священники обращались к офицерам и солдатам с проповедями, в которых звучали слова о преданности Престолу и Отечеству, о святости воинского долга, поминались воины, отдавшие жизнь за Родину.

В наиболее значимые православные и полковые праздники устраивались *церковные парады* – это специфическая, характерная только для армии, форма коллективной молитвы, сопровождавшаяся церемониальным маршем [14]. Порядок проведения церковных парадов, как правило, состоял из трех основных частей: построения, торжественного молебна и прохождения церемониальным маршем.

Полковой церковный парад проводился, как правило, на площади вблизи полковой церкви или городского храма. В храмовый праздник части на парад выносились принадлежавшие ей знамена и штандарты. После построения, под звуки военного оркестра командующий парадом встречал старшего начальника, принимавшего парад, отдавал честь, рапортовал, подавал строевую записку. Офицеры также отдавали честь, а начальник обходил войска. После этого звучала команда «на молитву». После молитвы, войска проходили перед начальником церемониальным маршем, по окончании которого шли к церкви и выстраивались перед ней. По окончании построения, по приказу командующего парадом офицеры и нижние чины входили в церковь и присутствовали на богослужении.

После богослужения войска выходили из церкви, строились и, согласно приказу, либо уходили в место своего расположения, либо снова проходили церемониальным маршем мимо начальника и тогда расходились по казармам.

С особой торжественностью проводился в войсках церковный парад 6 января, в день Богоявления (Крещения) Господня. Пышные торжества устраивались в войсках и на Пасху. С особой торжественностью в этот день проводились богослужения и церковные парады. Солдаты и офицеры христосовались, обменивались пасхальными подарками. Офицеры регулярно перед Пасхой собирали пожертвования для солдат, чтобы приобрести подарки и угощение. На Рождество в казармах и

офицерских собраниях обычно ставилась рождественская елка. В этот день устраивались не только торжественные службы в военных церквях и церковные парады, но и подарки для солдат [15].

Военную составляющую войсковых праздников составлял *парад* – торжественный смотр войск, проводимый в дни официальных праздников, торжеств в ознаменование важных событий государственного и военного значения. Сначала происходило построение войск на военном плацу или центральной городской площади. Затем под звуки военного оркестра, играющего полковой марш, командир воинского подразделения, выведенного на парад, встречал старшего начальника, принимавшего парад, отдавал честь, рапортовал, подавал строевую записку. Офицеры также отдавали честь, а затем начальник обходил войска, при этом объявляя им благодарность за службу. Если парад принимал сам император, то при обходе им войск полковыми музыкантами игрался гимн. До 1830 г. это был марш «Гром победы, раздавайся!», а затем с 1834 г. – гимн «Боже, Царя храни!». Затем войска проходили церемониальным маршем, сопровождаемым музыкой полкового оркестра.

Парад имел большое воспитательное значение для его участников, способствовал развитию чувства сплоченности, военной солидарности, братства, взаимопонимания и взаимовыручки, гордости. Генерал П.Д. Ольховский отмечал: «Люди, представляя монолитную массу, послушную знаку или команде ротного командира, незаметно, но несомненно, проникаются принадлежностью к целому послушанием и дисциплиной. Колонна выражает товарищество, взаимную поддержку, выручку, мощь...» [16, с. 203]

Развлекательная, неформальная часть военных праздников проводилась после официальных религиозных церемоний и военных парадов. Офицерские собрания и казармы украшались в этот день флагами, щитами, вензелями, арматурой. В офицерских собраниях обычно устраивалось богатое застолье с изысканными блюдами и обильной выпивкой, произносились праздничные тосты и речи, звучали воспоминания ветеранов, зачитывались поздравительные телеграммы, проводились фейерверки. Не обходились застолья без музыки полковых оркестров, военных и народных песен, которые с удовольствием исполнялись офицерами.

В обязательном порядке игры и развлечения устраивались и для солдат. В казармах для них накрывался большой стол с угощением и традиционной чаркой водки. Старшие начальники посещали казармы, поздравляли солдат с праздником, выпивали с ними по чарке водки. Также для нижних чинов устраивались разнообразные игры и состязания: бег в мешках, лазание по намыленному столбу, на котором был привязан приз в виде сапог, гармошки или часов.

Наиболее неформальными и любимыми для войск были *полковые (батальонные, ротные) праздники*. Полковые праздники традиционно сопровождалась панихидой и парадом, но большее внимание уделялось неформальной части – общению сослуживцев, общим воспоминаниям, торжественному застолью с многочисленными тостами и песнями, балу. В этот день на праздник собирались не только служившие в части военные, но и бывшие сослуживцы, ветераны.

В подобных праздниках принимали активное участие и жены офицеров – «полковые дамы», которые вместе с мужьями несли на себе тяготы военной службы в провинциальных гарнизонах и считали полк своей семьей. Приглашались на полковые праздники и представители городской общественности, августейшие шефы полков, вышестоящие начальники. К юбилейным датам нередко издавались истории полков, памятные книжки о боевом пути и подвигах служивших в части солдат и офицеров [17, с. 154-158].

Торжественные парады проводились, как правило, в присутствии высокого военного руководства, членов царской фамилии. В начале XIX в. стало традицией проводить парады гвардейских полков в Петербурге несколько раз в год. Зимой они проходили на Дворцовой площади, весной – на Марсовом поле, а летом – в Красном селе. Четко установленных дат проведения строевых парадов не предусматривалось. В основном время их проведения определялось монархом или военным ведомством [18, с. 9].

В русской армии первой половины XIX в. с подачи императоров парад рассматривался не только как элемент реализации традиций и атрибутов воинской службы, но и имел самостоятельное значение. В этом качестве он выполнял функцию представительства власти. Парад декларировал силу и власть

монарха, являл торжество самодержавия, способствовал единению армии с ее верховным вождем, актуализировал в каждом участнике и зрителе патриотические чувства [19, л. 24-28].

В целом, говоря о роли парадов в воинском воспитании в первой половине XIX в., можно отметить, что излишняя увлеченность ими во многом стал мешать обучению армии: стройность шеренг и колонн не могла заменить основной принцип боевой подготовки – учить тому, что необходимо на войне. В тоже время, нельзя отрицать и того, что парады воспитывали у воинов гордость за славу русского оружия и патриотизм.

В общей системе атрибутов и организационных форм воинского воспитания нельзя обойти священные символы воинской службы: военную присягу, полковое знамя и полковой мундир.

Присяга военная – «торжественное обещание (клятва), даваемое каждым гражданином при вступлении его в ряды вооруженных сил государства», – так трактует понятие присяги военно-энциклопедический словарь [20, с. 589]. Присяга всегда являлась основным документом, определяющим обязанности военнослужащего.

Император Петр Великий воинскую присягу перевёл из обычая в ранг государственного закона. Присяга, утверждённая им, вобрала в себя опыт предыдущих поколений, имела в своей содержательной основе три самых высших ценности воинской службы – Отечество, Государь, Православие.

В первой половине XIX в. содержание военной присяги и ритуал ее проведения в своей основе зиждились на принципах, заложенных первым императором. В назначенный день подразделения строились в установленном порядке, выносились знамена и штандарты, солдаты и офицеры при оружии давали обещание служить добросовестно и «во всем поступать как честному, верному, послушному, храброму солдату надлежит». При этом присягавшие держали левую руку на Евангелии, а правую руку поднимали вверх в крестном знаменнии (солдаты поднимали только правую руку, при этом повторяли текст присяги вслед за читающим). Факт произнесения присяги обязательно тщательно фиксировался и строго контролировался.

С первой четверти XVIII и до середины XIX в. присяга должна была приноситься генералитетом в Военной коллегии, а офицерами и солдатами – «при полку или роте, при распущенном знамени». По установившейся изначально традиции, которая сохранялась и в первой половине XIX в., право принятия присяги у новобранцев предоставлялось священнику вместе с командиром. Целуя крест и Евангелие, ратник призывал в свидетели Бога и его карающую силу. Психологическое значение этого акта для религиозного человека, безусловно, имело большое значение.

В первой половине XIX в. приведение к присяге офицерами и нижними чинами осуществлялось в соответствии с павловскими установками: «Всех воинских чинов, определяющихся в службу или удостоенных повышения в одной, какого бы чина и звания не были, приводить к присяге всякий раз не иначе как под знаменами, наблюдая при этом, чтобы приводимый к присяге, распростертую вверх руку имея, другой бы держался за знамя» [21, с. 34].

Священным символом полка в исследуемый период являлось **знамя полка, воинская хоругвь**, под которую движимые свои воинским долгом российские воины шли в бой с врагом. Знамя напоминало солдату и офицеру, что он присягал служить Государю и Родине до конца своих дней. В исследуемый период полковому знамени как символу воинской чести уделялось самое пристальное внимание на самом высоком уровне государственного и военного управления.

Это выражалось в стремлении императоров к сохранению и сбережению знамен, а также активному использованию знамен в качестве атрибутов воинских ритуалов, призванных способствовать воинскому воспитанию военнослужащих. К числу таких ритуалов, например, следует отнести: ритуал вручения Боевого Знамени, ритуал приведения к военной присяге, ритуалы размещения знамени в части (вынос и относ знамени, строевой смотр, хранение), ритуалы отдания воинских почестей знамени, ритуалы участия знамени в парадах, торжественных мероприятиях.

В первой половине XIX в. в ритуале принятия присяги статус знамени еще больше повысился. Вместо Евангелия принимавший присягу должен был держаться за знамя [22, с. 176]. В павловском уставе впервые была введена процедура прибавления к древку нового знамени, которая считалась коллективным священнодействием полка, в котором принимали участие все офицеры полка и установленное количество нижних чинов [23, с. 201].

Большое внимание уделялось *сбережению и хранению знамен, даже если последние отслужили свой срок*. Например, в целях улучшения хранения замененных знамен Высочайшим Указом от 21 марта 1803 г. предписывалось «для хранения знамен принимать и по приходу числить Коммисариатского ведомства, при приемах же делать аккуратные описи о всем, что при них имеется, и о повреждениях, какие окажутся, и оные описи доставлять тотчас в Коммисариатскую Экспедицию [24, с. 36]. В развитие данного Указа Высочайшим Указом от 14 января 1835 г. подтверждалось правило «знамена и штандарты, со всеми принадлежностями, сохранять всегда как святыню» [25, с. 43].

В годы Отечественной войны 1812 года продолжал действовать суровый закон военного времени, согласно которого знамя сохранялось за полком на все время его существования и всегда должно было находиться на поле боя, в районе активных боевых действий. Утрата знамени считалась несмываемым позором, влекла за собой расформирование части и строгое наказание офицеров. Русские воины предпочитали умереть под знаменем, нежели лишиться его.

В первой половине XIX в. была продолжена *павловская традиция вручения знамен за боевые заслуги*. Александр I установил более резкое различие между простыми и наградными знаменами, «даруемыми» за боевые заслуги. Практика пожалования знамени при Грамоте получила особое значение при вручении наградных Георгиевских знамен. В этом случае знаменная Грамота еще раз подчеркивала важность самого факта награждения целого воинского коллектива [24, с. 32].

Первый ритуал вручения Георгиевских знамен произошел в 1806 г. Если полевая кавалерия получила новые награды в 1807 г., то полкам гвардейской кавалерии Георгиевские штандарты впервые были «пожалованы» в 1813 г. Стяги «дарованы» Кавалергардскому, Драгунскому, Гусарскому, Уланскому и Лейб-Гвардии Кирасирскому полкам, «ознаменовавшими себя мужеством и храбростью». Ритуал освящения и вручения знамен постоянно совершенствовался. В Своде военных постановлений ритуалам вручения знамен отводилась отдельная глава «Об освящении новых знамен и об отдании старых» [26, с. 45-46].

В результате знамя превращалось в воинскую реликвию, которая предписывала общие модели и практики поведения, разделяемые всей военной корпорацией. Знамя становилось необходимым и сакральным элементом воинской этики. В определенном смысле оно формировало ценностные ориентиры и помогало сохранять традиции, облегчая новичкам процесс интеграции в армейское сообщество. Клятва «следовать за знаменем, где надлежу» делалась ментальным категорическим императивом.

Священным символом и атрибутом полка в исследуемый период являлся так называемый **полковой мундир**, феномен которого нельзя рассматривать только как явление материальной культуры, предмет материально-вещевого обеспечения. Мундир являлся не просто изделием портного: это был «вещественный знак невещественных отношений», многозначный символ, напоминающий о боевой доблести, чести и высоком чувстве воинского товарищества, доходящий у молодых офицеров до щегольства («В мундирах выпушки, погончики, петлички...» [27, с. 45-47])

Мундир военного напоминал об исключительной, ни с чем не сравнимой почетности статуса его носителя. Более того, он давал человеку право на подобный почет, тем самым во многом формируя характер человека, носящего мундир. Воспитательный для военнослужащего эффект, когда мундир уже представлял не вещь, но символом высокой идеи, был очевиден. Форменный костюм играл большую роль для развития духа корпоративности, особого чувства единства тех, кто носил мундир той или иной воинской части. Это был символ ее индивидуальности, который считал каждый за счастье и особую честь носить» [28, с. 415].

Ношение полкового мундира предполагало сопричастность не только к нынешнему составу полка, но и ко всем предыдущим поколениям однополчан, что налагало серьезные нравственные обязательства и

в то же время давало основания гордиться не только личными заслугами, но и заслугами части в целом.

Юный офицер эпохи 1812 г., надевая военную униформу, сразу чувствовал себя включенным в «сообщество героев», что накладывало отпечаток на его поведение в любых обстоятельствах. С восторгом вспоминал об этой незабываемой поре своей службы И.М. Казаков: «Хоть и написано в стихах “нет счастья на земле – оно на небесах”, но это неверно, счастье и блаженство есть – оно в чине прапорщика, в офицерском мундире; надев его, прапорщик не слышит земли под собой, а на гулянье восторг его не знает предела, так как в воображении своем он уверен, что все только на него и глядят» [29, с. 524].

Объективности ради следует отметить, что специалистами военной формы первой половины XIX в. отмечается, что, несмотря на определенные упрощения и улучшения по сравнению с павловской формой, такие как избавление от буклей, длинных кос и париков, с точки зрения функциональности у нее было много недостатков. Знакомая нашему современнику по многочисленным картинам, посвященным военным баталиям 1812 г., новая форма как нельзя лучше подходила для проведения различных парадов и других торжественных церемоний, ее красотой гордились и солдаты, и офицеры. Для боевых же действий и несения службы обмундирование было не совсем удобно из-за многочисленных украшений, за которыми требовался тщательный уход. Дело в том, что все российские императоры получали военное воспитание и образование и во многом их представления о моде формировались под влиянием парадов. С другой стороны, вслед за Павлом I Александр I и Николай I также стремились подражать иностранным армиям, в том числе в изготовлении мундиров.

В качестве положительных признаков военной формы первой половины XIX в. следует назвать ее очень простой покрой: её можно быстро и легко изготовить силами даже не самых профессиональных полковых портных. Недостатки русского мундира в боевых условиях очень часто компенсировались наличием на форме уникальных знаков различия, петлиц и погон, которые имели практически каждый полк, военное училище или кадетский корпус. Они осуществляли связь современности с героическим прошлым, оказывали исключительное влияние на воспитание и сплочение русской армии.

Примером может служить обмундирование Роты дворцовых гренадер. Рота была сформирована в 1827 г. из ветеранов войн с Наполеоном и являлась своего рода живым памятником победам русской армии. Этот статус подчеркивался и внешним видом роты – ее форма, не имея аналогов в предшествующей истории русского военного мундира, во многом напоминала мундиры Старой гвардии Наполеона. В частности, гренадеры роты носили совершенно нехарактерные для русской армии меховые гренадерские шапки [30, с. 19]. В число самых почетных коллективных наград в русской армии входили и те, которые являлись элементами мундира, – знаки «За отличие» на головные уборы и петлицы.

К числу ритуалов, построенных, прежде всего, на моральном поощрении воинского коллектива, можно отнести *ритуалы оглашения приказов о присвоении полкам почетных наименований и переводе их в разряд гвардейских*. Полки гвардии император Александр I считал «первейшими», а гренадерские – «отличными», в сравнении с остальными полками русской армии. Исходя из такого взгляда на значение гвардии и гренадер, он законодательно установил порядок перевода частей в Гвардейский и Гренадерский корпуса. В элитные соединения могли быть переведены полки только за боевые заслуги.

В первой половине XIX в. самое широкое распространение получил *ритуал награждения деньгами целых частей*. Он происходил, как правило, в мирное время и являлся основным, прежде всего, для нижних чинов, так как остальные награды, предназначенные для солдат, выдавались в основном в ходе военных кампаний. Ритуал поощрения нижних чинов деньгами, наоборот, носил массовый характер и происходил обычно после удачно проведенного парада, смотра, учения и т.д.

Анализ архивных документов показал, что массовое (от полка и до бригады) награждение деньгами проводилось, прежде всего, монархами и великими князьями. Они же устанавливали размер награды (в основном, от пяти копеек до двух рублей).

Ритуал поощрения деньгами иногда проводился и в военное время. Как свидетельствовала, например, «История Апшеронского полка», в период боевых действий на Кавказе деньги получали персонально

воины, уже имевшие знаки отличия военного ордена. Нередко к награждению деньгами добавлялась чарка водки. Такое дополнение стало традицией в русской армии.

Приведенные выше организационно-атрибутивные факторы воинского воспитания далеко не исчерпывают всю их палитру в русской армии исследуемого периода. Например, к ним следует добавить такие темы, требующие отдельного исследования, как военно-церемониальная музыка как постоянный атрибут воинских ритуалов, роль религиозных обрядов в духовно-нравственном воспитании военнослужащих, коллективные поощрения воинских частей и подразделений как один из факторов сплочения военнослужащих и укрепления традиций и т.д.

Таким образом, в русской армии первой половины XIX в. в условиях отсутствия целенаправленной воспитательной работы, особенно в полковом звене, сложился целый комплекс атрибутов и организационных форм военной службы, представлявших организационно-атрибутивный фактор, которые в совокупности выполняли задачу воинского воспитания. Органы государственного управления в лице императоров Александра I и Николая I, а также органы военного управления в лице командиров и начальников всех степеней постоянно заботились о сохранении и развитии лучших воинских традиций и ритуалов, сакрализации священных символов воинской службы, таких как воинское знамя, воинская присяга, полковой мундир, проявляли заботу о моральном и материальном стимулировании офицеров и нижних чинов, формируя такие необходимые воинские качества, как любовь к Отечеству и Государю, религиозность, воинская честь, честолюбие, воинское братство и товарищество, корпоративность, основанная на боевых полковых традициях и т.д.

Нормы поведения, ценности, устремления, которые формировались внутри российской армии, безусловно, носили корпоративный характер. Несмотря на господство субординации, палочной дисциплины, плац-парадных приоритетов, русская армия продолжала вырабатывать опыт воинского воспитания, во многом опираясь на достижения предшествующего XVIII в., государственную деятельность Петра I, Екатерины II, Павла I. Многие атрибуты воинской службы и организационные формы их реализации своим источником имели достижения русской армии XVIII в. и получили свое развитие в первой половине XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Яковлева, Л. В. Воспитание нравственности у военнослужащих Российской армии с учетом традиций воспитания офицерских кадров в дореволюционной России // Мир науки: Научный интернет-журнал. – 2013. – Вып. 1. – URL: <http://mir-nauki.com>.
- [2] Российский военный сборник. Вып. 13. – Москва : Воен. ун-т, 1997.
- [3] Минер, В. Л. Церемонии и ритуалы российской армии. – Москва : Авант Статус, 2004.
- [4] Российский военный сборник : [электронное издание]. Вып. 13. – Москва : Воен. ун-т, 1999.
- [5] Краснов, П. Н. Душа Армии. Очерки по военной психологии // Российский военный сборник : [электронное издание]. Вып. 13. – Москва : Воен. ун-т, 1999.
- [6] Полковой историк. Нужна ли нивелировка войсковых частей? // Русский инвалид. – 1912. – № 284.
- [7] Елец, Ю. История лейб-гвардии Гродненского гусарского полка (1824-1896) : в 2 т. Т. 1. – Санкт-Петербург: Тип. В.С.Балашева, 1890.
- [8] Объявления // Санк-Петербургские ведомости. – 1779. – 26 нояб. – С. 1419.
- [9] Военная энциклопедия : в 18 т. Т. 6. – Санкт-Петербург: Тов-во И.Д. Сытина, 1911-1915.
- [10] Фадеев, Р. А. Вооруженные силы России. – Москва : Катков и К°, 1868.
- [11] Милютин, Д. А. Год на Кавказе. 1839-1840 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – Санкт-Петербург, 2000.
- [12] Воронцов, С. Р. Инструкция ротным командирам, за подписанием полковника графа Воронцова 1774 года // О долге и чести воинской в армии российской / под ред. Н.А. Панкова. – Москва : Воениздат, 2009.
- [13] Княжнин, Б. Я. Краткое начертание истории Гренадерского Графа Аракчеева полка с 1808 по 1815 гг. – Санкт-Петербург: изд. А.А. Аракчеева, 1816.
- [14] РГВИА. Ф. 70. Оп. 1. Д. 734. Л. 8-11.
- [15] РГВИА. Ф. 1450. Оп. 10. Д. 345. Л. 2; Там же. Д. 364. Л. 1.

- [16] *Ольховский, П. Д.* Воинское воспитание // Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. – Москва, 1997.
- [17] *Бобровской, П.О.* История Лейб-гвардии Уланского Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка: в 2 т. Т. 2.– Санкт-Петербург: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1903.
- [18] *Керсновский, А .А.* История русской армии : в 4 т. Т. 2.– Москва : Голос, 1992-1994.
- [19] РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 106.
- [20] Военный энциклопедический словарь. – Москва : Воениздат, 1986.
- [21] Вексиллологический справочник по флагом Российской империи и СССР : в 2 т. Т. 1 / под ред. Соколова В.А. – Москва : МГИУ, 2002.
- [22] Николаев, Н. Г. Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии : в 3 т. Т. 2. – Санкт-Петербург: Глав. интенд. упр., 1898–1902.
- [23] Его императорского величества воинский устав о полевой пехотной службе с планами. – Москва : Сенатская тип., 1797.
- [24] Николаев, Н. Г. Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. Т. 3. – Санкт-Петербург, 1902.
- [25] Полное собрание законов Российской империи : Собр. 2-е : в 129 т. – Санкт-Петербург : тип. II отд. его собств. Е.И.В. канцелярии, 1830-1885. Т. 10. № 7759.
- [26] Свод военных постановлений : в 5 ч. Ч. 2. – Санкт-Петербург: тип. II отд. его собств. Е.И.В. канцелярии, 1838.
- [27] *Петренко, П.* «Нет выше чести – носить русский мундир» // Военно-экономический журнал. – 1994. – № 5. – С. 45-47.
- [28] *Дондуков-Корсаков, А. М.* Мои воспоминания. 1845-1846 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – Санкт-Петербург: Изд-во журн. «Звезда», 2000.
- [29] *Казаков, И. М.* Поход во Францию. 1814 г. // Русская старина. – 1908. – Т. 133. – № 3. – С. 522-541.
- [30] *Гринев, С. А.* История Роты дворцовых гренадер. – Санкт-Петербург: тип. Глав. упр. уделов, 1912.

ORGANIZATIONAL-ATRIBUTIVE FACTOR OF MILITARY EDUCATION IN THE RUSSIAN ARMY OF THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

Yandiev Beslan Magometovich

Adjunct, Department of History,
Military University named after Prince Alexander Nevsky,
Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow)

Abstract. *The article is devoted to the consideration of the attributes and organizational forms of military service, such as traditions, rituals, sacred symbols of military service (military oath, banner and regimental uniform) in the Russian army of the first half of the 19th century. It is emphasized that the organizational-attributive factor can be defined as an element of the military regime, a set of interrelated and interdependent attributes of military service and organizational forms of their implementation in military practice, which most effectively influenced the consciousness and behavior of officers and lower ranks. It is concluded that in real military practice it represents a complex system, all elements of which were closely interconnected and interdependent.*

Key words: *Russian army, attributes of military service, military education, traditions, rituals, officers, lower ranks, military oath, regimental banner, uniform.*

© Яндиев Б.М., текст, 2024
Статья поступила в редакцию 10.06.2024.
Публикуется в авторской редакции.

Ссылка на статью:

Яндиев, Б. М. Организационно-атрибутивный фактор воинского воспитания в русской армии первой половины XIX в. – DOI 10.34685/Н1.2024.36.76.030. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 3. – С. 41-52. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/666.html&j_id=61.
